

Н. И. БРУНОВ КАК ПРЕДТЕЧА «ИКОНОЛОГИИ АРХИТЕКТУРЫ»

*Работа предоставлена кафедрой теории и истории культуры
Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.
Научный руководитель – доктор культурологии, профессор Г. В. Скотникова*

Автор стремится раскрыть методологический смысл многогранного творчества Н. И. Брунова (1898–1971). Будучи продолжателем (Н. П. Кондаков – Д. В. Айналов), в советский период классической линии русского византиноведения, этот ученый стал выдающимся исследователем православной архитектуры. Автор подчеркивает, что Брунов Н. И., изучая памятники архитектуры в широком историко-культурологическом контексте, раскрывал их как воплощение духовных идей. Такой подход позиционировал его как предтечу «иконологии архитектуры» – нового направления в современном искусствоведении.

The author seeks to reveal the underlying concept of N.I. Brunov (1898-1971). This scientist was the outstanding investigator of Orthodox Architecture, who continued in the soviet period the line of Russian Classical Byzantinology (N. Kondakov – D. Ainalov). Brunov examined the architectural forms as embodiment of spiritual ideas. This position made him the predecessor of «iconology of architecture» – new trend in Arts.

Авторы современных исследований храмовой архитектуры все более сосредотачивают свое внимание на «основном предмете» (Н. П. Кондаков) в истории христианского искусства – истории «сложения и развития храмовой идеи и способов ее выражения во внешней форме»¹. При этом в методологии отчетливо проявляется духовно-культурологическая доминанта. Достаточно указать на такие сочинения как труд Ю. Р. Савельева «Византийский стиль» в архитектуре России второй половины XIX – начала XX в. (СПб., 2005), книга С. Я. Кузнецова «Православие и архитектура» (М., 2005), монография «Христианское зодчество. Новые материалы и исследования» (М.; Киев, 2004).

У истоков научного раскрытия смыслового содержания форм «монументального богословия»² стоял выдающийся отечественный ученый Н. И. Брунов. Ключом к пониманию роли Брунова в развитии русской гуманитаристики может служить характеристика М. В. Алпатова: «...Н. И. Брунов представлял собой тип ученого, которого еще не было у нас. В старину пишущие об архитектуре ставили своей задачей рассмотрение планов, сводов, покрытий и арок, то есть чисто формальных особенностей архитектуры. Брунов в своих статьях связывал архитектуру с идеологическими формами в развитии общества»³, то есть рассматривал архитектуру как воплощение духовно-ценностного мира культуры конкретной эпохи. Традиция Брунова в советский период была сохранена и блестяще продолжена в трудах Г. К. Вагнера и А. И. Комеча.⁴ Вместе с тем фигура Н. И. Брунова, как представляется, не получила до настоящего времени должного освещения в истории отечественной гуманитарной мысли.

Имя Николая Ивановича Брунова (1898–1971) относится к тем именам, которые известны в настоящее время преимущественно специалистам, а между тем он мастер обобщающего очерка, синтеза, развернутого культуролого-искусствоведческого

полотна, могущего быть интересным широкому кругу читателей. Профессор, доктор искусствоведения, член-корреспондент и действительный член нескольких Академий, автор книг и статей, получивших всемирный резонанс, блестящий знаток византийского и древнерусского зодчества, архитектуры различных эпох и периодов, Брунов оставил неизученное до конца наследие, состоящее из более, чем ста публикаций и не меньшего числа неизданных материалов. Его статьи и научно-популярные книги востребованы до сих пор, а монументальный труд «Очерки по истории архитектуры» давно стал классикой и своего рода «архитектурной Библией», цитаты и ссылки на него постоянно встречаются у современных авторов.

Исследовательское внимание Н. И. Брунова было сосредоточено, прежде всего, на памятниках православной архитектуры. Главные его труды: «Византийская архитектура» (1937)⁵, «Архитектура Византии» (1966)⁶, «Храм Василия Блаженного. Покровский собор» (1970)⁷, неизданная монография о месте древнерусского зодчества во всемирной истории архитектуры⁸.

В творчестве Н. И. Брунова осуществилась органическая преемственность с классической русской наукой, линией развития русской византистики. Ученый сознательно следовал тем принципам и методам, которые заложил мэтр византийского искусствоведения Н. П. Кондаков⁹. Уже к 1916 г. оказалась прочерчена строго методологическая линия в области истории искусства: Буслаев – Кондаков – Айналов – ученики и продолжатели. Ф. И. Буслаев заложил основу научного изучения древнерусской живописи. Становление школы изучения византийского искусства связано с именем Н. П. Кондакова. Его перу принадлежат фундаментальные труды по истории искусства и архитектуры Византии. Кондаковым были поставлены всеобъемлющие вопросы эволюции византийского зодчества. «Основной заслугой Д. В. Айна-

лова¹⁰, в истории византийского искусства является, – как писал Н. И. Брунов, – признание за его памятниками самостоятельной художественной ценности»¹¹. Брунов принадлежал к поколению искусствоведов, сформулировавших многие, ставшие ныне хрестоматийными, выводы о глубокой оригинальности русского средневекового зодчества, сумевшего возрасти ярким цветком на плодородном стебле мировой цивилизации, поколению, пришедшему на смену архитекторам и значительно продвинутому вперед разработку основных проблем истории древнерусского храмостроения. Н. И. Брунову был присущ масштабный историко-культурный кругозор, знание художественной жизни разных эпох и народов, плодотворное владение хорошо налаженным инструментом сравнительного анализа. Как исследователь, Н. И. Брунов никогда не замыкался на чисто европейской художественной культуре с ее греко-римскими истоками. Зодчество Византии, России, Китая, Месопотамии, Египта, Персии, Индии становилось предметом его исследования. Но важнейшим предметом его научных штудий, как уже отмечалось выше, была архитектура средневекового православного мира – Византии и Древней Руси.

Вокруг научного наследия Н. И. Брунова сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, признанный при жизни мэтр советской и мировой науки, с другой, ученый, богатый творческий потенциал исследований которого не получил должного освоения и освещения в трудах отечественных историков гуманитарного знания. Показательно отсутствие специальных аналитических статей¹² о его творчестве, скупые строки в энциклопедических словарях. Представляется, что эта ситуация есть, во многом, инерционное следствие сложившегося в советский период идеологизированного отношения к традиции отечественной византистики вообще. В 1927 г. В. П. Бузескул писал С. А. Жебелеву: «Теперь о Ви-

зантии и византинистах говорить неудобно, ...ведь говоря о Византии неизбежно упоминать о церкви, церковных спорах и т. д.»¹³. Обстановку в Советской России, начиная с 1920-х гг. никак нельзя назвать благоприятной для византийских штудий. Византийское и древнерусское художественное наследие после октября 1917 г. было «подвергнуто ложной идеологической дискриминации, значительному уничтожению. Эту судьбу в той или иной мере разделили все, кто занимался его изучением и сохранением»¹⁴. Как пишет И. В. Кызласова, в 1920–1930-е гг. развитие гуманитарного знания было резко и односторонне искажено насильственным насаждением марксизма, включавшего антирелигиозную пропаганду». Пресекался расцвет византистики рубежа XIX–XX вв. Внутренние эвристические возможности «не могли быть реализованы во всей полноте в новых условиях»¹⁵.

Настороженное отношение к исследованию явлений православной культуры сохранялось по сути до конца XX в., продолжает сохраняться и сейчас (то в тлеющем, то в возгорающемся состоянии), ибо «атеизм и религиозный индифферентизм, бывший для русской интеллигенции уже начала XX в., по горькому замечанию С.Н. Булгакова, синонимом образования и просвещенности, сегодня в силу исторических причин стал первоосновой сознания и научной методологии»^{16.1}

Тот факт, что Н. И. Брунов, подобно его современникам В. Н. Лазареву и М. В. Алпатову, оказался способным продолжить классическую традицию византийского искусствоведения, линию Буслаев – Кондаков – Айналов, свидетельствует о большом даровании и личной духовной силе ученого. Отметим, что в исследование пути русской византистики XX в. к настоящему времени большой вклад внесли работы Г. И. Вздорнова, И. В. Кызласовой, И. П. Медведева, авторов трехтомника, выпущенного издательством «Дмитрий

Буланин» – «Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге», «Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга», «Мир русской византистики».

Нельзя не видеть, что творческий метод Н. И. Брунова дает импульс позволяющий выйти за пределы искусствоведения и превосхищает создание нового иеротопического¹⁷ подхода.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кондаков Н. П. Архитектурное путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1914. С. 143.
- ² Термин введен в науку берлинским проф. О. Пипером («Введение в монументальное богословие» F. Piper. Einleitung in die monumentale Theologie. Cotha. 1987.
- ³ Алпатов М. В. Воспоминания. М.: Искусство, 1996. С. 104.
- ⁴ См., например: Вагнер Г. К. Византийский храм как образ мира // Византийский временник. Т. 47. М., 1986; Комеч А. И. Символика архитектурных форм в раннем христианстве // Искусство Западной Европы и Византии. М., 1978.
- ⁵ Труд переиздан в 2002 г. См. Брунов Н. И. Очерки по истории архитектуры. М.: ЗАО Центрполиграф. Т. 2. С. 410–523.
- ⁶ См. Всеобщая история архитектуры. М., 1966. Т. 3. С. 18–160.
- ⁷ Труд впервые увидел свет только в 1988 г., в год государственного празднования Тысячелетия Крещения Руси.
- ⁸ Алпатов М. В. Воспоминания. М.: Искусство, 1996. С. 106.
- ⁹ Савельев Ю. Р. Архитектура Византии в трудах Н. П. Кондакова // Мир Н. П. Кондакова. М.: Русский путь, 2004. С. 233.
- ¹⁰ Рекомендую своих учеников Н. И. Брунов и М. В. Алпатова, В. К. Мальмберг писал: «За отсутствием проф. Кондакова Вы являетесь самым крупным специалистом в этой области “истории византийского искусства”» // Архивы русских византистов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 260.
- ¹¹ Брунов Н. И. Памяти Д. В. Айналова (1862–1939) // Архитектура СССР., 1940. № 3. С. 66.
- ¹² Статья ученика Брунова А. И. Комеча, ныне одного из видных отечественных исследователей византийской и древнерусской архитектуры, директор НИИ искусствознания в Москве, «Памяти Н. И. Брунова» имела характер некролога // Византийский временник. Т.34. М., 1973. С. 307–311.
- ¹³ Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге . СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 288.
- ¹⁴ Кызласова И. В. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси (1920–1930-е гг.). По материалам архивов. Автореферат на соиск. уч. степени д-ра исторических наук. СПб., 1999. С. 29.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. М.: Междунар. Отношения, 2004. С. 6.
- ¹⁷ См. Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / Ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2006.